Эдуардас
МЕЖЕЛАЙТИС

Эдуардас
МЕЖЕЛАЙТИС

ЛИРИКА

E. M.

Эдуардас МЕЖЕЛАЙТИС

ЛИРИКА

Стихи

Перевод с литовского

Москва
Советский писатель
1991

ББК 84 Ли7
М 43

Художник Вл. Медведев

М $\frac{4702390202—042}{083(02)—91}$ 316—91

ISBN 5—265—01378—4

ГЛАЗ МУДРОСТИ

Мир — это глаз мудрости.

Шар земной — не яблоко ль глазное,
Имевшее мудрость прочесть
В черной книге вселенной
Звездный петит своего
Свидетельства о рожденье
И своего некролога?..

Не худо,
Считает мудрость,
Заполнить щелку меж ними
Громадами давних иллюзий
И утварью мелкой. По силам
Берут себе ношу в сказках
И великаны и гномы...

Вместились
Туда и небыль и быль,

Смертные боги и люди
Бессмертные, звери крылатые
И птицы бескрылые.
Вот как будто и все.
А часовой циферблат,
Премудрый двойник вселенского ока,
Запечатлел пантомиму сию.

Шар земной — не яблоко ль глазное,
Имевшее мудрость измерить
Величье свое и ничтожность?..

КЛОЧОК НЕБЕС

Сорвался чуточный клочок
Небес на землю и обычным
Стал васильком. (Вот так урок
Дает мне с холодком привычным
Мой ангел ледяной, чтоб спесь
Моя не расцвела чрезмерно.)
И василек раскрылся здесь —
Как я — легко и эфемерно.

Два неба — чуточный клочок
И весь простор необозримый —
Срастить бы... Точно мотылек
Беспомощный, почти что мнимый,
Меж ними я мечусь всю жизнь
И зыбкую лелею веру,
Что втисну в истинную высь
Мою игрушечную сферу,

Что этот чуточный клочок
Не до конца со мною сгинет,
Что ангел мой не столь жесток
И небо малое не скинет
В нездешний сумрай (Ох, страшусь
Уйти совсем в глухую небыль!),
Поэтому всю жизнь ношусь
С клочком небес под вечным небом.

ВЕСТЬ

...И вот невесть откуда днесь
До слуха донеслось: «Я есть!»

«Ты кто?» — спросил я эту весть.
И внятно раздалось: «Я есть!»

Но никого ни там, ни здесь...
«А я-то,— спрашиваю,— есть?»

И мне в ответ благая весть
Гремит торжественно: «Я есть!»

И я, преображенный весь,
Как эхо, повторил: «Я есть!»

«Я есть! Я есть!» — и там и здесь
Аукнулось! И впрямь я есть!

КОРОЛЕВА ЯДВИГА

Знатная у меня соседка: сама королева Ядвига.
Правда, трон у нее — табуретка, петух —
ее мажордом,
В статс-дамах несушки ходят, а родословная книга —
Поляна, которую любит буренка листать языком.

Над замком сосна возвышается сторожевою башней.
В хвое смонтировал аист свой наблюдательный пункт.
Крылатый, как все патриоты, с бдительностью
всегдашней
Он озирает округу и узкий проселочный путь.

Мы все, уроженцы этой тесноватой округи,
Бережно охраняем наш стародавний дом.
Здесь, обитая плотно, мы знаем все друг о друге.
Здесь из земли мы вышли, и здесь мы в землю
войдем.

Восседает моя соседка на деревянном престоле
И перстами шершавыми делает дело свое:

Ткет из суровых нитей полотно непростое —
Можно им душу вытереть и не поранить ее.

После рыбалки (бывает, что прихожу без улова)
Я у себя на пороге уже находить привык
Горшок с парным молоком, ковригу хлеба ржаного,
Золотистые яйца в лукошке и снопик цветов полевых.

А когда принимаюсь за дело свое: начинаю
подкручивать струны
Скрипки лунной и очищать от разного сора слова,
То в окошке напротив всегда мне видится юной
Над ткацким станком побелевшая Ядвигина голова.

ЧУДО

Я был, когда сажали в Вавилоне
Сады Семирамиды... Что я делал?
Я землю рыл и вкапывал деревья...
Я был, когда властители Египта
В песках сооружали пирамиды...
Что делал я? Тесал камнями камни,
Укладывал их в грани пирамиды
И, из пустыни солнце прикатив,
Им украшал вершину золотую...
Из щебня, из пыли земного праха
Я поднимался, словно птица Феникс,
И был уже тогда великим я...
Я был, когда в Эфесе возводили
Храм Артемиды... Что тогда я делал?
Я мрамор шлифовал... И был тогда я,
Когда в Олимпии бессмертный Фидий
Ваял изображенье Громовержца...
Когда был мавзолей Геликарнаса
Лишь заложен — я был уже; я был,

Когда вздымался ввысь колосс Родосский
В честь бога солнца, был в Александрии,
Когда там славный строился маяк,
И, как утес скалистый горделивый,
Уже тогда великим был я... Что ж я делал?
А ничего особенного: в то время,
Пока земные боги воевали,
И ссорились, и жгли, и разрушали
Мои творенья,— камень терпеливо
Тесал я и ваял, лепил и строил.
И от богов, и от богоподобных
Земных владык давно уж не осталось
На свете и следа,— но вечно живо
То, что на свете мной возведено.

Кто я? Я раб. Пахать пригоден землю.
Тесать каменья. Разводить сады.
И по сравненью с подвигами знатных
Богатырей скромны мои труды.
А между тем все семь чудес, какими
Гордился древний мир, я сотворил.
И потому сам чудом я восьмым
Уже тогда был, нынче есмь,— и буду
В грядущем: солнце я перенесу
На землю, дотянусь до звезд, открою
Я тайну жизни,— может, создам
Искусственного человека, чтобы
Исполнилась мечта тысячелетий —

И долго жил бы каждый на земле,
Как патриархи, как герои мифов...
Я вытру пот, что по лицу струится,
Как кровь, и распрямлюсь, и улыбнусь:
Я — Человек, восьмое чудо света...

ЭВРИДИКА

...смерть приветствует жизнь...

Поль Элюар

За руку взявши, куда же ведешь ты меня, Эвридика?
К той ли реке, что течет, как гекзаметр творений
Гомера?
К той ли реке, что течет из мартеновской печи солнца
Лавой металла остывшего, к той ли реке, что истока
И устья не знает?

...И вечно к ней двое приходят на берег.
Пробуют воду они, нет, не воду, а холод металла,
Пробуют и умываются, словно принять предстоит им
крещенье.
И расстаются они: один возвратится обратно, ну а другой
Никогда уже не возвратится... Так куда ж, Эвридика,
ведешь ты меня?

Где мы? Повсюду здесь мрамор окаменело белеет,
Мраморные облака, беломраморный ветер и иней
Мраморный на беломраморных сучьях деревьев...
Здесь мрамор
И для меня приготовлен: для рук, для лиц и для торса...
О Эвридика, куда ты ведешь меня?.. Плиты
Белого мрамора тихо плывут по реке... (Не говори:
это льдины,—
Это тяжелые плиты, где высечены для кого-то
Будут и буквы и даты...) Здесь мраморный ворон
Мраморного Эдгара По «Никогда!» свое каркает,
Мраморное «Никогда»... Здесь, словно Томас Элиот,
Ставший недавно тоже белою статуей мраморной,
Высится белая грустная башня!.. Ах, это березка!

Пил ее сок и когда-то, стадо овечье погнавши
В свежие юные травы,— пил, как вино Дионисий
В древней Аркадии пил... Так куда ж ты меня, Эвридика,
За руку взявши, ведешь? Превратилась в бесчувственный
мрамор
Стройная эта береза весны моей... Мрамор надгробий
Только для мертвых вино производит, такое,
Что не пьянит... И для тысяч, в земле погребенных,
Хлеба ломтями нарезаны белые плиты,— ни крови,
ни тела,
Ни злаков земных, ни земных виноградин не нужно...

Жизни река потерялась в мраморном море смерти...
Постепенно мы превращаемся в мрамор, белеть начинаем
Сверху, с висков, а потом все бледней и бледнее
Кожа становится, в ветер холодный, как в саван,
Сердце закутав, застыв, каменея, затихнув,
Молча уходим за мрамором яств и питья
Мертвой страны... Ты куда же ведешь, Эвридика,
За руку взявши меня?.. У меня голова побелела,
И, как остывший металл, я прохладу зимы ощущаю...
Мраморным сном спят деревья Аркадии белой,
Ждут — не меня ли? Зачем ты меня, Эвридика,
В мраморный мир повела? Кто теперь в нем
нас встретит?
Не здесь ли
«Смерть приветствует жизнь»? Здесь не наша река:
это Стикс,
Стикс железный... Куда же ведешь ты меня, Эвридика?

ПЕПЕЛ

Эта рыжая пыль под ногами, щебенка
Из костей — не осколки ль, покрытые ржой?
Это, может быть, резвые ножки ребенка,
Что за белою бабочкой гнался межой,
Или ручки — дитя ими тянется к маме,
Обнимая за шею, ласкается к ней...
Иль был этот щебень большими руками,
Что с любовью к груди прижимали детей.
Этот пепел, который разносится с ветром,
Был глазами, смеялся и плакал порой;
Поцелуями был этот пепел седой.
Был сердцами, тревогою, радостью, мукой;
Был он мозгом, сплетеньем извилин живых,—
Слово «жить» до конца, словно буква за буквой,
Точно белым по черному вписано в них.
Эти волосы — локоны, косы и пряди,
Что навалены мертвой косматой горой,
Кто-нибудь расплетал, и взволнованно гладил,
И сухими губами касался порой.

Чистый трепет сердец, вдохновенные речи,
Золотые надежды, сияние глаз...
Крематориев страшных горящие печи.
Пепел... Пепел... Лишь пепел остался от вас.
Пролетая над проволокою колючей,
Птица мягко касается краем крыла
Дикой розы, на диво багровой и жгучей,
Что на этой кровавой земле расцвела.

Боль, которой еще мое сердце не знало,
Превратилась в колючий соленый комок.
И, как пуля, в гортани навеки застряла,
Чтоб дышать я не мог и забыть я не мог.
Я тяжелый, невидящий взгляд поднимаю
И от неба его не могу отвести,
Всем своим существом к человеку взываю,
Человеческий пепел сжимая в горсти.

УТА[1]

Сердца кровавые наземь
Падают листьями клена,—
Инфаркт у него осенний.

Может не плакать разве
Тот, кто вчера был зеленым?
Таков уж удел растений.

Как бинт, белеет тропинка,
И выступают ало
Листьев кровавые пятна.

И мне японка Намико
Жалобно прошептала:
— Откуда кровь — непонятно.

Не стало в парке убранства
Лиственного. Лосиной
Короны лишилась чащоба.

[1] **Ута** — песня *(японск.)*.

На пиджак листочки ложатся,
Ложатся на зонтик синий.
Мы точно мертвые оба.

Оба мы шли, как дети,
Умершие в колыбели,
В небо — с душой безгрешной.

И чуть подымется ветер,
Любовные танки звенели,
И не было осени здешней,

И грустная эта ута
Канула в никуда.

САД КАМНЕЙ В КИОТО

Мираж со всех сторон. Как белые ягнята,
Колышутся, подобранные граблями,
Из камешков рождаясь, облака. Лишь кое-где
Из облаков, из камешков морских, вдруг выступая
И устремляясь к звездным небесам,
Торчат земли обычные каменья.
Нет больше ничего. Здесь каменная стенка,
Которую глаза, два сорванца, хотят небрежно
Перемахнуть, отгородила человека
От смеха, и от слез, и от истерик
Планеты. От забот и суеты. И от всего на свете.
Присев на деревянные ступени,
Ты одинок у пагоды. Ты заперт.
В твоем квадрате — облака из камешков
И каменные глыбы. С глазу на глаз
С душой камней ты вовсе одинок
И мал совсем. Так, видимо, себя
Почувствовал, узрев седые Гималаи,
Маэстро Рерих. Ты один как перст.

Напевы желтого кленового листа
Дошли до слуха. Средь веток узкоглазый
Японский дремлет ветер. Дрозд рыдает
Своим печальным голосом буддиста.
Как пагоды изогнутая кровля, в саду нас давит
Мертвенная тишь. Глядишь на шерсть ягнят —
Кудрявых камешков, что украшает
Раскиданные комья, и слышишь разговор.
Иной, чем наш, глаголет дух камней. Они растут.
Они растут. Здесь горы вырастают. Облака
Из камешков лосиными рогами разодрали
Зубчатые вершины. Шагают горы,
Ритмично режа сероватый гравий
Овечьей шерсти, облачных подобий, тебе навстречу.
А ты, атавистические крылья
Какой-то древней птицы на плечах
Почуяв, двинулся путем Икара.
Паря, ты приближался к плоскогорью
Иной планеты. Ты глаза зажмурил. И вот удар.
Ушибся ты о камень. В тот же миг
Услышал хохот. Не такой ли хохот
Слыхал маэстро Рерих, воспаряя
Над Гималаями? Как женщина, хохочет,
Объятья растворив, душа камней...

Ты вновь раскрыл глаза. В саду, как видишь, скачет
Великий океан. Темнеют острова.
Зубами каменными прогрызаясь к солнцу.

И ветер стройным стадом гонит волны,
Как на луга ягнят пастух аркадский гнал.
И волны катятся. И плещут, расшибаясь
О скалы серые безлюдных островов. Как Христофор Колумб,
Ты замечаешь: мчит корабль твой пьяный
К иному брегу, к незнакомым странам, к неведомой земле.
Удар! Грозна прибрежная скала.
Быть может, выскочишь. Быть может, ощутишь
Ты почву под ногами. А быть может,
Скала надгробьем станет. Расшибется
Корабль твой о скалу, и не откроешь
Ты света нового и в океанских
Погибнешь играх. Зажмурясь от удара о надгробье,
Ты слышишь смех. Как женщина, хохочет,
Объятья растворив, душа камней...

Ты подымаешь голову. Отныне
Ты ведаешь судьбу свою. Ты видел
Иной планеты горы и моря. Ты обнаружил
Безвестный континент. И с глазу на глаз
Ты был с душой камней. Язык ее суровый
Слыхал — и женский смех. В ее объятьях
Лежал. Стал сед. Но юным стало сердце
Икара. Оно диктует мне. Душа камней,
Младая лань пустыни Суламифь,
Мне улыбается теперь, как немощному Соломону.

Как удивителен сей мир! Видение Икара!
Горел я в атомном огне извечного пожара,
Но всякий раз, когда меня уничтожало пламя,
Из пепла дух мой восставал. Над сушей и морями
Атавистические вновь раскидывал я крылья
И мира стройные черты мог видеть в изобилье.
Хоть мне порой не по душе, признаться должен прямо,
Являя зыбкую деталь, земная панорама,
Мир гениально сотворен, и он прекрасен, право...
Ужели демонов огня грозит ему расправа?

ЛОТОС

Прильнуло твое продолговатое око —
Лотоса лепесток — к моему оконцу.
И не могу его оторвать.

Я говорил — отлетит.
Не отлетает.
Я говорил — отпадет.
Не отпадает.

Струится дождь по оконцу и увлажняет
Твое — лотоса лепесток —
Продолговатое око.

Загораются звезды в оконце и обступают
Твое — лотоса лепесток —
Продолговатое око.

Выходит месяц и еще крепче
Прижимает к оконцу

Твое — лотоса лепесток —
Продолговатое око.

Никто не поможет мне
Оторвать от оконца
Твое — лотоса лепесток —
Продолговатое око.

Я говорил — день его совлечет.
Не совлекает.
Я говорил — ночь его приберет.
Не прибирает.

Птицы, мои крылатые братья,
И те не могут помочь.
Что делать мне?

Припало твое — лотоса лепесток —
Продолговатое око к оконцу.
Не оторвать, не оторваться.

Продолговатое и светоносное —
Лотоса лепесток —
Око...

ОЛИНГОРИТА

— Олингорита! — длинным криком
Кричит, как иволга ночью.
Чудной какой-то, с печальным ликом...
Чего кричит, чего хочет?

— Олингорита! — дудой пастушьей
Откуда-то с луга, с поля...
И снова: — Оли... Постой... Послушай,
Да это же имя: Оле.

...Качаясь меж лилейных лилий,
Тонкая, как тростинка,
Клонилась и молила: — Милый...
— Олингорита! Инга!..

— Олингорита! Горлинка! Рита!..—
Но калитка закрыта...
Тронутый, видно. Чего кричит он?
Весь изошел от крика.

Как оглашенный, орет и воет,
Шастая по могилам.
Он только эхо да нас тревожит,
Ненормальный, чудила...

БРОНЗА

Ветер бронзу с деревьев срывает.
Листьев бронзовых слышится звон.
Он из бронзы твой бюст отливает,
и поет, и беснуется он.

Он деревья сперва обнимает,
собирает охапки листвы,
и из веточки он выгибает
четкий контур твоей головы.

Превращает он в плечи и шею
новых веточек каждый излом,
и высокое небо, бледнея,
опрокидывается
котлом.
И из горла его,
как из горна,
льется бронза, остыть не успев...
До краев заполняется форма
бронзой солнца и бронзой дерев.

Если грустно глазам моим станет,
прилетает тот ветер дневной,
отливает из солнца
                                   и ставит
бюст твой бронзовый
                                        передо мной.

Он, как мастер, на шаг отступает,
он бормочет на все голоса,
и из веток тогда проступают
твои плечи, лицо и глаза.

ГИПЕРБОЛА

Что есть звезды?
Не глаз ли твоих отраженье?
Что есть месяц, изогнутый луком вдали?
Это образ твой, влившийся в стихотворенье,
растворенный на грани небес и земли.

Я рисую
твой призрачный образ в пространстве.
Он — из неба и звезд, он прозрачен, как свет,
в нем — цветы и поющие птицы.
Пристрастно
и упрямо пишу я твой синий портрет.

Я рисую в пространстве
твой призрачный образ.
В нем — космической пыли косые следы,
он из звуков и молний, он — ветер,
он — область
безграничной, зовущей к себе высоты.

Весь неведомый мир
ты собой охватила,
взгляд твой синий везде проникает за мной,
пахнет красками воздуха эта картина,
как сирень,
окропленная ранней луной.

Я поставил
портрет твой невидимой кисти
пред собой.
И молюсь, чтобы он не исчез...
Нет, еще не поэты и не живописцы
не украли и звездочки даже
с небес.

Небеса, что они,
если месяц плывущий —
твои тонкие брови, а звезды — глаза!..
Твой чудесный портрет,
предо мною встающий
из бескрайних глубин,—
вот мои небеса!

ЖЕНЩИНА

Четыре портрета

Ты в моих помыслах такая:

Под деревом зеленолистым, нагая, одним прикрытая листком античных статуй, как рыба белая, стройна ты, словно дерево ветвями держишь в чудесных, длинных, узких пальцах плод яблони, как небольшое солнце, округлый золотой моток, как будто предлагая свить из него нить бытия. О, счастье — создавать, творить! Сначала крохотно оно, как маковое хрупкое зерно, но тоже круглое, как яблоко. А яблоко, как мир, округлено. И из мельчайшего зерна нить начинает вить себя и создавать собой моток, шар, в яблоко величиной, растет и вырастает в мир, как этот, у тебя в руке, из нитей созданный клубок, огромный, словно шар земной.

Так — на холсте Дюрера — ты
стоишь земная, грешная, простая
и в помыслах моих такая.

Ты в моих помыслах такая:

Небесная голубизна — светла, ясна. В прозрачности глубоких красок неизъяснимой чистоты, с глазами голубых мечтаний остановилась ты, подняв дитя, чтобы оно могло взглянуть на уходящий к роще путь в лучащемся тумане. А на лице твоем Покой и Благодать — две спутницы твои и каждой женщины, которая готова страдать и ждать, когда дитя — ей, первой ей, произнесет свое вот-вот родившееся слово. Как не гордиться ей, одной из матерей, начальным зернышком огромной жизни, которому она дала родиться — как каждая на свете мать, что миру дарит детство, пренебрегая мукою своей. Так солнце дарит миру на рассвете свой первый луч, младенца нового земного дня. И тот, кто может взвесить на руке песчинку, незаметную в песке, способен ощутить весь вес планеты. Так и мать, свое дитя подъемля,— всю Землю держит. И только потому ее святой позволено назвать.

Так, в красках Рафаэля возникая,
равно держа и Землю, и зерно,
ты в моих помыслах такая.

Ты в моих помыслах такая:

Из приоткрытых губ ко мне скользит твоя усмешка золотая, как будто из раздвинувшихся туч протягивает теплый луч пробившееся солнце, отогревая сердце мне, игрушечной подобное Земле, и на его согретом лонце оживают, вырастая, забытые в благих заботах зерна. И непокорно из губ твоих скользит улыбка золотая, как ласточка из тихого гнезда, укрывшегося крышей. Она летит, раскинув крылья, на расправу с мошкарой, распугивая мелких мыслей рой.

Ты — словно Мона Лиза — ты
над слабостями нашими смеешься,
и в помыслах моих такая ты.

Ты в моих помыслах такая.

За сизою тончайшей кисеей тумана, утром рано, перед собой я новую увидел Афродиту. Недвижна и бела, она недавно мраморной была, но вот богиню сняли с пьедестала,

и в комнате прозрачно-голубой она живою женщиною стала. О вечной неподвижности забыв, стал мрамор телом нежно-белым, пахнущим весенней утренней сиренью. Задумчивое светлое лицо, цветок полураскрытых губ, дыханием наполненная грудь, откинутые крылья рук и тела сине-ледниковый снег — мне хочется сравнить с озерной белой птицей под названьем Лебедь, надевшей на себя береговой туман,— нездешней, неземной и вечно нам необходимой во имя красоты.

Так — на картине Ренуара — ты,
земной и неземною возникая,
являешь нам прекрасного черты.

И ты
действительно такая
и наяву такая ж, как во сне.
Одна и та же в разном.
Что ни день — другая.
Вся — красота, вся — разум.
Высокая, неземная,
грешница, святая.
И ты —
только такая —
необходима мне.

АНОМАЛИЯ

я шел тропой нехоженой и вдруг взошло сквозь дрему
растение-диковина — цветка такого
мне до сих пор встречать не доводилось
ни в облачной небесной флоре
обреченной молнии и ветру
ни даже в пламени ночного сна
послушного Лилит
я говорю «цветок» — на самом деле:
раскалившаяся бомба соцветия
воздвиглась над седой вершиной дуба —
вот вам и цветок!
мне перегородил дорогу монумент — растение
взошедшее из адских недр
и мне его при всем желании не обойти — ну что же
я себя корил — довольно продираться по нехоженым
путям
здесь множество тропинок
испещренных гномьими следами
и крестиками воробьиных лап,—

куда тебя нелегкая несет! что оставалось мне?
прикинуться столбом, забитым в землю

и вот соцветье накалившееся распахнулось — ветер
поймал пурпурно-бархатные лепестки
и те внезапно
обмякли будто обессиленные языки огня
слизавшие бездымный порох придорожной пыли
но лепесток один
медлительный и мудрый по-лесному
как филин распахнул глаза и лучевой аквамарин
пустил по свету голубые стрелы — и они впились
в мое парализованное сердце — и застыло сердце
потом — едва звучащим piano потревожили меня
кровавые тугие губы — я когда-то целовал такие —
они подобны меду — и произносимые слова
с кровавых губ на землю падали
как зернышки граната

«иди сюда» — меня окликнул с полдороги чувственный
цветок
«я соком напою
какого пробовать тебе не доводилось
из грешных губ моих и всей моей раскрытой плоти
и снова будешь крепок и вынослив
точно юный лось
иди сюда и утоли телесное желанье
из губ моих животворящего ключа — и в тот же час

я увенчаю голову твою лосиной вычурной короной»
in hos — услышал я вдобавок — signo vinces!
«даже иллюзорную Лилит — царицу пламенного сна
с которой обручился ты —
она теперь тебя пытает еженощно
словно Суламифь
которая томила мудрого как змий царя —
седого Соломона»

аквамаринные глаза лениво затворились
и аккорды кровавых губ скатились к западу
в ушах осталось гранатное осколочное эхо
павшей в землю песни песней
но вот распался алый лепесток
он стал бессильнее огня в декабрьском очаге
и появились белые как чайки руки женщины —
я ближе подошел к цветку
который стал подобен соляному
столпу — сразу оказался в тесных
объятиях: меня закутали в нейлон пурпурно-
лепестковый
как мумию вложили в узкий саркофаг постели
я лишь успел увидеть невеселую мою
отъятую от тела душу —
она парила точно иероглиф Зодиака
«а теперь — сказал мне гибельный цветок —
для всех незримой станет плоть твоя
душа предстанет зримой

и ты полюбишь женщину чье имя Неизвестность
и так закончил он — «аминь»
и лепестки смежились
и отторгли плоть мою
от видимой души — я ощутил себя внутри пурпурного соцветья
и ощутил неизъяснимый аромат раскрытой плоти
и сладость помысла о ней

ИЛЛЮЗИЯ

Засыпаю,
как грустный Паоло, измученный жаждой,
чтоб проснуться во сне
на руках у Франчески
однажды.

Засыпаю,
как грустный Ромео,
надеясь проснуться,
чтобы ног неподвижной Джульетты
щекой коснуться.

Засыпаю,
как будто Тристан, и печальный и гордый,
чтоб почувствовать холод меча
меж собой и Изольдой.

Засыпаю, как будто Каститис, забросивший сети,
чтобы губы Юрате

во сне ощутить
на рассвете.

Засыпаю,
как дух одиночества возле чинары,
чтоб проснуться во сне,
над умершей тоскуя Тамарой.

Засыпаю,
как сгорбленный Фауст
над книгой раскрытой,
чтоб проснуться во сне
молодым
для тебя,
Маргарита.

Засыпаю,
как рыцарь Ламанчский,
от боли бледнея,
чтоб проснуться во сне
под рассыпчатый смех Дульцинеи.

Засыпаю,
меня усыпляет твое появленье,
Афродита,
внезапно возникшая
из сновиденья.

Надо мной ты склоняешься
белою мраморной птицей...
Засыпаю,
чтоб вновь
через сотни веков
пробудиться.

ОВАЛ

А ночь
к рассвету
движется устало,
приплюснув обод лунного овала,
зарю в садах ждут яблони несмелые,
и гордый профиль силуэта Клелии,
начертанный на голубой долине
классическою чистотою линий
античности, и у виска
тень рафаэлевского
завитка на лоб
легла овалом
голубым,
О Рим!

ЛУННАЯ ОМЕГА

Огромный овал багровеет над мраморным Римом,
Над ветхими портиками — над остатками Альфы
(О альт Апокалипсиса!). Ты ли это, Омега?

А медная лунная маска сверкает все злее
Над реминисценциями Колизея, над сценой
Нерона. Кровава. Огромна. И вправду Омега.

Где мощь? Где величие? Фатум старательно спрятал
Ораторов, преторов и гладиаторов судьбы
В глубоких, залитых цементом потемках. Омега,

Становишься много заметнее ты с наступленьем
Земного затмения полного. Где мавзолеи?
Где все Адрианы, Траяны? Одна лишь Омега!

Ты — сущность кружения, ты — не луна никакая,
Ты — зримый отсюда виток бесконечной пружины
В исправном всегда часовом механизме, Омега.

Тугая спираль сопрягает кольцо Колизея
С прозрачною сферой новехонькой бензоколонки,
Увенчанной фирменным нимбом «ТОТАЛЬ». О Омега,

Какой завиток нам готовит расщепленный атом?
Что думают там, на космическом неоолимпе?
Что дальше? Начало? Агония? Альфа? Омега?

Стоящий на форуме видит, что Рим — аксиома,
Что эта метафора (Альфа с Омéгой) поэта
С туманного Патмоса очень точна. О Омега!

ВОЛЬНОЕ ИСТОЛКОВАНИЕ «ТАЙНОЙ ВЕЧЕРИ» ЛЕОНАРДО ДА ВИНЧИ

Сбудется только то, что и должно было сбыться.
Цена чрезмерной любви — своя же горячая кровь.
Радостный свет озарит законников тусклые лица.
Но тут же померкнут они. Уже торжествует новь.

Новая цель краюх и крох насущного хлеба
Преображает уже эту мышиную жизнь.
Надобно всех увлечь в открытое заново небо.
Средство же только одно — на кресте вознестись.

Сыскался сразу фискал. Вот он, злосчастный, рядом.
Еще я не в ваших сердцах, вам нужно еще узреть
Меня на Лобной Горе исхлестанным и распятым,
Дабы увериться в том, что можно осилить смерть.

Целуй же меня скорей, испытанный мой Иуда!
Скорей, мой доблестный Петр, от меня отрекись!

В этой житейской тьме лишь встать на дорогу трудно,
А там — сама поведет: либо вниз, либо ввысь.

Плотник сбивает трон для небесного царства.
Кто-то уже доплел мой терновый венец.
Какой же теперь резон с судьбой ловчить и тягаться?
Такая тяжба меня лишь разорит вконец.

Я обновлю ценою собственной крови
Мир, погрязший в грехах, словно в пуховиках.
Все меня предают? Пусть предают на здоровье!
Избыть в себе нелегко подлость, злобу и страх.

Где мой сакральный фиал? Налейте его до края.
Пейте и вы свое апостольское вино.
Словно море, вокруг плещется ночь голубая.
А то, что сбыться должно, сбудется все равно.

На Лобную Гору луч косится робко и сиро.
Но распахнут уже мой небосклон молодой.
Выпьем, братья, до дна за здравье этого мира...
За то, чтобы стало в нем меньше одной маетой...

ЭЛЬ ГРЕКО

1

...И он, как ребенка, любил Человека.
Вытягивал лица и контуры тел.
Зачем удлинял человека Эль Греко,
Возвысить хотел — иль улучшить хотел?

Стройны, высоки, худощавы фигуры,
А краски — как небо: то звезды, то тьма...
Цвета, как органную клавиатуру,
Он пробовал... Уж не сошел ли с ума?

О нет, не сошел. В дальнозорких мечтаньях
Провиделся поисков трудных исход:
Печального образа рыцарь и странник,
Весь вытянутый, как струна, Дон Кихот.

Распятому облик он дал человечий,
Земному он дал ореол божества.
И шел Человек Ренессансу навстречу,
Цветы распускались, тянулась трава.

Художник смотрел проницательным взглядом,
Как жил человек средь трудов и утех,
Струною натянут меж Небом и Адом,
Опутан химерой по имени Грех.

Восход занялся под небесною сенью,
На лицах, как отблеск зари, торжество.
Зажжен человечеству свет Воскресенья,—
Но ты, человек, ты не видишь его...

Эль Греко мне сердце раскрыл: вижу, слышу.
Душе пробудиться настала пора,
Чтоб каждому стать не длиннее, а выше
И зорче вглядеться в глубины Добра...

2

Апостол Петр, рыбарь... Зачем он плачет?
В чем виноват? Святого не найдешь,
Который в глубине души не прячет
Какой-то грех: святой — не из святош.

Да, человек не прост! И в нем начала
Добра и зла так соединены,
Чтоб в честном сердце что ни день звучало
Сознанье неискупленной вины.

Быть может, так судьба нам начертала:
В смятенье жить, в боренье двух начал...
Но чистоты такой слезы кристалла
У грешников еще я не встречал...

В такой катарсис вжиться — и вглядеться
В раскаянье такое б! Лишь в глазу
Невинного безгрешного младенца
Такую можно увидать слезу...

3

На портрет Иоанна гляжу. Богослова...
Он, как девушка, строен. Утончен. Умен.
И, Завет излагая торжественно Новый,
Об изяществе фразы заботился он.

Он сказал, как поэт: «Слово было вначале...»
Слово в ранг божества он бесстрашно возвел.
Если прочие евангелисты кричали
По-орлиному,— пел Иоанн, как щегол.

Те апостолы были пророки, скитальцы...
Иоанн был поэт: слова трепет и пыл
Осязали его осторожные пальцы,
И стихи он, как статуи скульптор, лепил.

О, как чувствовал это Эль Греко! Природу
Красоты, райский свет сохранившей во мгле...
И в натурщики взял он дитя из народа,
Устремленное к небу на грешной земле...

МИР ЧЮРЛЕНИСА

Вселенная представляется мне
большой симфонией: люди — как ноты.

М. К. Чюрленис

ЕГО ИНИЦИАЛЫ

...я как вольная птица (без крыльев)...

М. К. Чюрленис

МКЧ —
как странная птица,
из тех, что мы не видали,
из тех, несомненно живущих в сказочных рощах,
летит и летит, пробиваясь к солнечной дали,
этот редкий причудливый росчерк.

МКЧ —
это волны
набегающего прилива,

где чайка четко очерчена лучом заката,
или реющая над раскрытым роялем грива
за роялем сидящего гениального музыканта.

МКЧ —
это в сумерках,
когда очертанья туманны
и звезды так странны над ровными куполами;
рядом с легкой летящей готикой святой Анны
черная его крылатка бьет на ветру крылами.

МКЧ —
это башня и гений,
простирающий руку
к месяцу или к птице, что над ним летает:
гений — вольная птица, понимающая эту муку
быть вольной птицей, когда ей крыл не хватает.

МКЧ —
это мера гения,
что, как собственные владенья,
небеса перекраивает и каждый этот отрезок
превращает потом в удивительные виденья,
фантастические цветные виденья,
фантастические цветные виденья фресок.

МКЧ —
это подпись

на полотнах, отмеченных вечностью,
это волшебный ключик от затворенных
башен, наполненных доброй его человечностью,
от бесконечных галактик, им сотворенных.

СОТВОРЕНИЕ МИРА

М. К. Чюрленис, вероятно, задумал
«Сотворение мира», когда о Литве за-
думался.

Ибо в этой капле янтарной
запаян простор светозарный.

Но вдруг оказалось,
что нет еще янтаря.

Сосновый пот еще не стекал на песок шелковистый
Нерингских дюн, ибо не было
сосен самих, держащих на хвойных плечах
литовскую долю неба,
ибо и неба и песка еще не было
и не во что было врасти
корнями и кронами.

Был только хаос безвидный, в котором
проснувшийся творческий дух метался.

И вот в клубящейся туче
нечто янтарно блеснуло.

И тогда прозвучало:
«Да будет!»

И Слово стало Делом.

И возник из материи мнимой
несомненный, неупразднимый,
запаянный в капле янтарной
дивный простор светозарный.

СТРЕЛЕЦ

> ...гляди, среди снежных горных корон, среди гор, стреляющих вверх и почти достигающих неба, стоит человек...
>
> *М. К. Чюрленис*

Среди гор,
как известно, нацеленных вверх
от века,
среди гор,
легко подпирающих синеву,
надо всем, что исстари
тянет вниз человека,
он из лука прицелился,
натянув тетиву.
(О добро, ты вынуждено
к стреле обратиться,
хотя стрелы и прочее
у тебя не в чести!)

Над головой человека,
крылья раскинув,
кружится черная птица.
Не тяни же, стрелок!
Тетиву натяни
и пусти!
Птица кружится,
словно ворон Эдгара По,
черный ворон,
или тот самолет,
где суперпилот
Клод Изерли...
Стоит человек.
Кружится ворон —
вот он.
Стоит человек,
натянув тетиву,
на вершине Земли.
(...Рушится Троя.
Стоит человек.
Стоит, словно вечен.
Прах Вавилона.
Содом и Гоморра.
Стоит человек,
что ни век,
Рим умирает.
Стоит человек.
Стоит, изувечен

и все-таки вечен.
Рушится все.
Стоит человек.
Стрелы свистят.
Стоит человек.
Острые копья.
Падает меч.
Стоит человек.
Пуля звенит.
Падает бомба.
Сыплются черные комья
мерзлой земли.
Ракета уходит в зенит...)
Но стоит человек
среди черных вершин,
сверкающих снегом.
Стоит человек.
Он увенчан и вечен.
Из века в век.
Лук и стрела.
Черная птица
над человеком.
И стоит человек.
Стоит человек.
Стоит Человек.

МАМОНТ

Шагаю ледниковою эпохой —
На мамонта похож. Тверды клыки.
Звериный крест несу к своей Голгофе.
Меня одолевают ледники...

Взгляд леденеет, нет со льдами слада.
Суставы стынут. Силы нет идти.
Еще один-другой шаг акробата —
Я упаду, как падают шуты...

Льды лишь того и ждут и смотрят в оба.
Ползут за мной. Я вижу, как тверда
Сплошная ледяная крышка гроба,
И в сердце ощущаю холод льда...

Когда-нибудь в неведомом столетье,
В глубокой мерзлоте меня отрыв,
О странной расе, что жила на свете,
Вы сочините допотопный миф,

Словарь земли, написанный веками,
Перечитав и возвратившись вспять,
Поймете вы — как было ледниками
В полнейшем одиночестве шагать...

СКАЗКА СОЛЕНОГО ГОРОДА

В Соленый город я забрел однажды.
Там хлеб, как слезы, солон. Там давно
Все просолились и теперь от жажды
Морскую воду хлещут, как вино.

Взращенные на соли горожане
Ее и вправду радостно едят.
Она сладит их грубые гортани,
Как самый настоящий рафинад.

Из блоков соляных белеют зданья.
Уже натерли солью и луну.
Повсюду соль. Никто бы тут вниманья
Не обратил на Лоттову жену.

Песчинку сахара я им украдкой
Из сострадания предлагал порой.
Но эту жизнь они считают сладкой
И даже не мечтают о другой.

Они себя солят. А мне их жалко,
Не знающих, что это — жуткий сон.
Хожу меж ними, словно тот идальго,
Совсем как он, печален и смешон.

Но я-то знаю: и у страшной сказки
Имеется конец. И, вдаль глядя,
Уже я предвкушаю час развязки.
А жду я просто-напросто дождя.

Не слишком сильный, без грозы, нормальный,
Едва забарабанит он в окно,
От этой небывалой солеварни
Останется лишь мокрое пятно.

Пока что город утопает в зное
И вдвое бел на соли солнцепек.
Но на свое хозяйство соляное
Скептически глядит Соленый Бог.

МЕНЕ-ТЕКЕЛ-ФАРЕС

(Спектакль театра абсурда)

Гремит надсадно музыка, фанфарясь,
Глаза в хмельном блаженном полусне...
А я смотрю — и МЕНЕ-ТЕКЕЛ-ФАРЕС
Начертанное вижу на стене...

Глаза горят — как в синеве экрана
Мерцает зашифрованный сигнал,—
И атомного я страшусь тирана,
Которого в пути, увы, догнал...

Не ведаю, кто там сидит за пультом,
В зловещих замыслах неистощим,
Но слышу посвист раскаленных пуль там
И крики старцев, женщин и мужчин.

За ними смерть в грибоподобном дыме
По всей планете ходит по следам...

Оплакав мертвых, будут над живыми
Посмеиваться чудища Нотр-Дам...
На Марс боеголовками «Полярис»
Коварно смотрит глубь прибрежных вод.
Безжалостное МЕНЕ-ТЕКЕЛ-ФАРЕС
Сквозь электронный проступает код.

Не знаю, кто за пультом там сигналит,
Готовя бомбам ядерный запал,
Но чувствую, кого так опечалит,
Что род людской позорно, низко пал.

Кто о его паденье плакать будет?
Поэт? Возможно... Но не удивит
Меня, когда за этот плач осудит
Поэта обывательский синклит.

Померкло золото... Вино, янтарясь,
Мерцает в кубках, словно тайный яд...
А я — я вижу МЕНЕ-ТЕКЕЛ-ФАРЕС
В безумье Валтасаровых палат.

Там пьяный смех... И складывают слуги
Упившихся, как трупы, в штабеля...
И я не знаю, чьи на пульте руки
Лежат, пути судьбы определя...

Тут самому Иммануилу Канту
Не угадать ни замысел, ни срок...

А у виска, как дуновенье кванта,
Я чувствую знобящий ветерок...

И апокалипсические кони
Свирепо — мне мерещится — хранят...
Мертвеют маски лиц в безмолвном стоне,
И движутся на смерть полки солдат.

И даже Валтасара, точно парус,
Тот леденящий ветерок качнет —
Начертанного МЕНЕ-ТЕКЕЛ-ФАРЕС
Захочет он понять тревожный код...

Я жду, пока вином их одурманит,
Как радиоактивною волной,
И колдовать за пультом перестанет
Тот, неизвестный... С трезвой головой

Я выйду в ночь, по улице старинной
Пойду петлять... А тьма густа, тупа...
И как в былом развалины Берлина,
Оскаленные зданий черепа...

Шуршит листва, ссыхаясь, ежась, старясь...
Собор свой шпиль вознес
над гребнем крыш...
А дождь смывает МЕНЕ-ТЕКЕЛ-ФАРЕС
С лоскутьев ветром сорванных афиш...

Банальную глядел я антидраму?
Спектакль? Абсурд? Невелика беда!
Вдруг — черная, как смерть,
навстречу дама...
А если это вправду — что тогда?

ДЕРЕВЯННЫЙ ЛИЛИПУТ

Шаркает ножками лилипута.
Машет руками ежеминутно.
Сколько на сцене держать еще будем
Этого лилипута?..

Нос свой повсюду сует лилипутский,
Липнет ко всем, как опилки.
Сколько копеек, комисс, опустишь
За эту кильку?..

Сколько за голову дашь, одержимую
Воробьиной идеей?
Сунем в мешок, бросим в машину
Маленького пигмея?

Некуда деть уже этого шельму,
Даром бери, не хочу ни монетки...
Свесила ножки, села на шею
Мистифицированная марионетка...

МИМ

Исправно зашнурован рот. Не вырваться и звуку.
Возможно, я в конце концов и вправду стал немым.
Но я на сцене и берусь рассеять вашу скуку.
Вот только способом каким? Ведь я всего лишь мим.

Чем вас занять? По существу, похож я на любого —
Как все, терпим и нетерпим, раним и нераним.
И разве так же проглотить вам не случалось слово?
Мое отличие лишь в том, что я присяжный мим.

Давайте же без всяких слов руками и глазами
Заговорим о чем-нибудь понятном нам одним.
Ведь я в сиянье ламп и вы в неосвещенном зале —
Не что иное, как большой нерасчленимый мим.

Но зря вы ждете от меня каких-то откровений.
Не в храме я, и нет нужды мне выглядеть святым.
Вам хорошо сидеть рядком, а я замерз на сцене.
Похлопайте, чтобы согреть меня. Я зябкий мим.

Спасибо. Вас изображать начну гуртом и розно,
А вы следите за любым движением моим.
Но только помните о том, что это несерьезно,
И не сердитесь на меня. Ведь я всего лишь мим.

АСИММЕТРИЯ

Amjcus Plato, sed magis a mica Veritas.[1]

Аристотель

Неясно, даже черт с ответом медлит,
Не скажет, сколько 2×2 (когда
Буквально в каждый метр асимметрия
Вторгается). 4 — ерунда,

Наверное? Вдруг — 3? Иль — 5? А линия
Зачем зигзагом молнии парит?
И зря ее две точки в ясной сини,
Как жаворонки, ищут. Пусть Евклид

Зигзаг змеиный выпрямить пытается —
Он мигом пальцы обожжет свои.
Тот, кто зигзага молнии касается,
Тот испытает и зигзаг змеи.

---

[1] Платон мне друг, но истина еще больший друг *(лат.)*.

Поскольку меж двух точек —
И человек разумный — видел я —
Прямая эта линия в пространстве
Была уже не линия — змея.

Я мучился — проблема не из маленьких.
Долг так повелевает поступить:
Воскликнув архимедовское «Эврика!»,
Былую гомоформулу сменить...

1

Что есть душа — куб? ромб? или парабола?
Квадрат? иль круг? вот этот или тот?
Напоминает грушу? или яблоко?
(Вдруг на Луну, сорвавшись, упадет?)

А может быть, имеет сходство с бомбою,
Что прячет террорист? А может быть,
Что схожа с пулей — этой гостьей подлою,
Что свою помощь хочет предложить?

На штык похожа? Или же на проволоку
Колючую? А может быть, на нож?
По глобусу, от кризисов непрочному,
Идешь, не зная, что в себе несешь.

Похожа, может, на банкнот (десятка)
Иль на кольцо, где светится бриллиант,
Пригодный и для блага и для взятки?
Скажи, душа, каков твой прейскурант?

А может, сходство с коньяком заметно
Иль с кирпичом для даченьки, когда
Нам в голову ударит асимметрия
И в голове мешаются года?

На чемодан, быть может — на коррупции
Носителя — похожа? (Носят в нем
Бацилл такие пагубные порции,
Что от земли не оторвать вдвоем!)

А этот общий грипп благополучия —
Не асимметрия ли здесь видна?
Душа — боюсь, надолго в этом случае —
Духовно анемиею больна.

Не знаю — чем лечить, рекомендации
Каких лекарств нужны на этот раз.
Давно уже за этой деформацией
Души слежу, не отрывая глаз.

В мое рентгеновское Ars poetica
Не видно (как захлопнули окно)

Ни куба, ни овала — арифметика
Симметрию нарушила давно.

Неточность, может, говорю, в диагнозе?
Болею сам гиперболой, чудак?
А может быть, сую куда не надо нос?
Ищу придирок спьяну? — Вряд ли так:

2

Пытаюсь влезть в ботинок ног —
ой, однако верблюд гораз-
до легче пролезет в иго-
лочное ушко, чем я об- или раз-
уюсь, ибо ботинок де-
формирован — камень на борозде.

Пиджак пытаюсь надеть. Ку-
да? Хочешь рассмешить сороку
или ворону? (Один ру-
кав короче, другой длин-
не-еее!) Со смеху помру!
Оденься! Чик-чирик! И вроде пуга-
ла выйдешь на угол.

Пытаюсь кепку нахлобу-
чить. С козырьком иль без? На лбу

одна — горшком, другая — бли-
ном, обе деформи-
рованы, положенье ос-
трое. Простоволосей сопляка
иду и бормочу под нос,
как изгнанный из кабака.

Иду, весь деформацией измятый
снаружи и внутри (глав-
ное!). Рядом — бородатый
(знач. деформированный) сверх-
человек шагает. Вот это верх
асимметрии! Возможно, что вчера
он из пещеры вышел, натура-
льный каменного века экспо-
нат, Х этот антифрант! Бона-
парт пред ним — котенок прос-
то? Мне-то что? Я в собственных вопросах
погряз: я от ботинок и до кеп-
ки шагаю в деформированном шир-
потребе, теле и душе, пек-
у стихи. Мы оба хороши.
(По случаю прощения прошу,
что вышло взбалмошное не на шу-
тку стихотворенье. Уж такой
души поэта деформированный слой.
Я здесь, простите, ни при чем. А кто?

Этот ботинок?
Пиджак? Или пальто?)

3

К реке подходишь — сразу вода и воздух
деформацией по глазам бьет
и заставляет заткнуть быстрее ноздри.
Не хочу здесь отдыхать. Вот

во что превратилась река Гераклита!
А душа Аристотеля от нас
миллиардами бацилл, чувствую, скрыта! —
и мне немило здесь анфас.

Повернусь профилем к этой сумме жуткой
кубов и квадратов: мой глаз
уже не страдает, как и мой желудок,
от резиновых колбас.

Тело и душу в деформквартиру
цементосимметричного микрорай-
она принесу — квартира спланирована
кверху ногами — живи, не забывай.

Возьму книгу в руки — отложу в сторону,
возьму транзистор, но орет

эфир деформированный — вроде борова —
законченный эстрадный джазобанкрот.

А романы? Содержания и формы
деформация — вот бы черт побрал!
Уже не до гармонии — ищу нормы,
но серый поток — как девятый вал.

Фу! Спускаюсь в универсам на лифте,
вот уже деформация довела:
пойла какого-нибудь вроде наливки
принесу бутылку — эх! — была не была —

как бог асимметричный станцую смело,
напр. Шива — с каменным лицом
акробат — вращая атмосферы
четырьмя руками (блеф!) колесо,

но как из аварии автомобильной
у колеса деформированный вид —
квадрат обнимает этот нестабильный
голубой глобус, который кипит,

как горшок, побулькивая медленно,
и клубы яда валят в синеву,
как из рога изобилья — асимметрия
ногу подставила и ему.

И глобус, если посмотреть из космоса,
уже меняет форму свою.
Не могу представить кривого глобуса —
или он повис у бездны на краю?!

4

Не понимаю — почему у глобуса,
Как у ковриги, тонкая кора?
Все чаще в черное завертывается?
Кровавая откуда пелена?

Расколото, разорвано, разломано...
Все чаще ураганы над гнездом
Бушуют и птенцов когтят, как вороны.
Циклоны скачут на домах верхом.

С чего вулканы чаще пробуждаются
И в ореоле пламени ревут?
И тишина пугливо сотрясается —
Словно осина? Почему в траву

Хлеб превращает засуха? И рушатся
Хребты? И, затопляя города,
Все наводняют наводненья ужасом?
Несет обломки черная вода.

Мадонне и ребенку чистотою
Не уступая, снег сады крушит.
С чего — никто не знает? — над землею
Разгневанно и голодно рычит

Дракон из апокалипсиса? Злится
Зверь этот атомный за что на нас?
Кто видел перст судьбы, кто очевидцы?
На нас укажет он — наступит час.

Кто видел перст незрячими глазами
И, протерев глаза, увидел свет?
Кто мне на этот трудный — кто на самый
Вопрос вопросов — сможет дать ответ?

Когда окутан мир ночною дремой,
Что так тревожно мне глядеть во тьму?
И в даль асимметричную из дома
Совсем не тянет выйти — почему?

5

Силы деформации жмут на параллели
И меридианы — нету государств,
Где бы ни летели, как прямые стрелы,
Острые границы, по земле змеясь.

Государства рвутся на клочки — так разом
От инфаркта сердце рвется у людей.

Что же это Древо Жизни долговязое
Хрупкое — иль силы мало у корней?

Корни неглубокие — словно небольшие
Пальцы уцепившейся руки
За клочок пологого берега — крушина
Возле Гераклитовой медленной реки.

Как задует голодом, холодом, войною
Ветер миокарда посильнее — так
Дерево застонет вроде сухостоя.
Как плетет в нем быстро метастазы рак!

Жалуется вечно Древо Жизни хворое
На свое здоровье — старые дела.
Но его вершине распластался ворон —
Словно у ракеты черные крыла.

Дерево и ворон — все асимметрично,
И, как будто мало места на земле,
Корни неуклонно тянутся к кладбищу.
Ворон угрожает и тебе и мне.

Ворон с клювом атомным знает свое дело —
Прямо в сердце целит клювом, как косой.
Но душа не хочет расставаться с телом.
Карканье ракетное, смолкни над землей!

Мысли деформированы, я не удивляюсь,
Страхом асимметрии сдавливает грудь.
Блестками эстрадными и вином пытаюсь
Сфинкса апокалипсиса отпугнуть.

6

Из голубой птицы хаоса выкатясь, словно
яйцо — глобус катится в сторону хаоса.
Автор асимметричного бинома снова
готовит сковороду хиросимскую. А —
финского Пантеона, Ниневии, Трои,
Теба, Карнака, Галикарнаса, Вавилона
останки и память уже пальцем грозят строго.
Но катится он в глубь асимметричного лона.
Форма Омеги, т. е. луны, глобуса или яйца,
последняя буква греческого алфавита
приближалась — немного до нуля, до конца.
Мир, нехорошо поступаешь! Страшно. Невидан-
ное окончание мира — сон на рассвете —
будто увидел Холбейна Bilder des Todes клише.
Руки и ноги подрубила мне асимметрия —
как марафонскому чемпиону на фи-ни-ше...

7

Жестоко — во все небо идолы,—
Темно, словно в желудке, тесно.

Мессия никакой не придет,
Не ждите царствия небесного.

Уже завидуют живущие
Умершим братьям и невестам.
Сфинкс землю загрызет, коль сбудется
Кошмарное «...et vidi bestiam...»[1].

Заменят камнем хлеб насущный наш,
А воздух — дымом ада злого,
Тритоном — гомозавра. Сушу,
Как слог, пронзит тритона слово.

Для музы будет, здесь вопроса нет,
Гимн роботами сочиняться.
Усы часов сойдутся острые —
Никто не отгадает часа.

А вдруг да кверху стрелки острые,
Как у Дали усы, загнутся?
И всем достанет хлеба, воздуха,
И зря из шкуры люди рвутся?

И муза, вроде Нике мраморной,
Не повредит крыла? (Лишится

---

[1] Из Библии: «...и я видел зверей...» (*лат.*).

Лишь головы?) И битву праведную
Затеет гомозавр со сфинксом,

Чтоб твердым, как орех, и вольным
Остался этот глобус синий?
Не знаю. Я поэт, не более.
А вдруг и явится мессия?

8

Если так — аккомпанируйте, тамтамы,
бомбам террористов, перестрелок гамме.
Коль закат помпейский, то не жаль
сапогом тяжелым разбить рояль.

Браво джазу — асимметрии экстазу,
импульсу и пульсу века! Браво, базы!
Процветают взятки, дачи растут,
молока и меда реки текут.

Прямо в рот открытый ворчуну, что брызжет
пеной, осуждая дальних всех и ближних —
сей Гаргантюа растет — вон живот,
будто бочка, только голова не растет —

словно у воробышка. Браво, хали-гали,
всем гитарам — как нам души раскачали!

К черту Бетховена с Девятой
симфонией — теперь другая дата,

все другое — ноты, мода. И Пикассо
меркнет — его кисти быстро растаскивают
разношерстных ультра- и стоп-арта
суперы... Солнце уже к закату...

А за этим антиантичным декором —
не хватает воздуха чистого, горного,
пахнет психбольницей, страстью к рублю,
всей ультраяичницы lux-меню.

Так за дело, роботы! Бей, гитара, верно!
Горяча холодная война нервов.
Ах, тамтамы, с ног свалить сумейте
тех, кто преграждает путь к победе.

Браво, наркоманы! Увеличьте дозу
асимметрии! И разрушайте с пользой
всем здоровье — сей абсурд натужный,
человеку, как диета, нужный.

Мы ромео и (ха-ха!) джульетты мира
превратили в секс любовь! К чертям Шекспира!
А семья? Смешно! В повальной спячке
липнет на зубах — подобно жвачке.

Асимметричней, воздушные пираты,
балансируйте! Жалеть мотор не надо!
Бомбу бросил — катакомбы! И — ура!
Да здравствует, Хлоя, сексфизкультура!

Волей асимметрии Колесо Природы
стало экстремистским квадратом уродливым,
а в квадрате этом, пардон, везде
золото смердящее и т. д. ...

9

...как хорошо, что еще в небе старом
есть звездный урожай супергитару
вполне заменит Млечный Путь. Итак
глазами можешь колесить стократно
как на автомобиле и Сократа
там больше не разыгрывать дурак!

луной возможно заменить тамтамы
а гамму перестрелки долгой гаммой
ночного соловья средь темноты
он вдалбливает баховскую фугу
изломанную душу вроде плуга
здесь в кузне соловьиной должен ты
отремонтировать чтоб землю вновь возделать
так наточить чтоб рифме было дело

во время будущего сева и страды
Прими установивший с небом связи
как взятку золотых созвездий связку
и запищат под каблуком кроты
вот колесо луны невероятное
в него окно вмещается квадратное
и безголовый треугольник ты
И нету асимметрии в минуту
я деформированного лилипута
на сцену вывел чтобы вдруг ряды

отравленные сытым равнодушьем
зашлись от смеха словно от удушья
(смеяться над собою надлежит)
а для себя кусок пространства больше
любых коррупций говоря по-божески
космический я отломил звенит

в нем звезд намного более чем денег
в карманах потребителя Мог сделать
миллионером и меня в момент

Ночь как потоп всемирный нарастает
я опускаю якорь словно старый
Ной на вершине высочайшей НЕТ

P. S.
Черт не вернул в бутылку опрометчиво
отпущенного Джинна — льнет, как змей,

к Древу Познанья. С этим делать нечего —
и у чертей не все, как у людей.

Прививку сделал он Древу Познания —
и черенок привил ему, наглец,
кривой, как хвост его,— и до свидания —
вокруг ствола обвился, и конец!

И заветвилась в Древе незаметная,
пошла, привитая лукавым, в ход,
как саксофон эстрадный, асимметрия.
Теперь твори, что в голову придет!

И если слезы нынче неприличны
и мы асимметрически живем,
как боровы, в кормушки слепо тычась,—
что ж слезы в сердце я ношу своем?

А если кто, как в спину камень, подленько
упрек мне бросит, я тогда спрошу:
а что я раньше говорил, припомни-ка! —
и зубы в громком смехе обнажу.

ЗЕМЛЕ

Уж вечер близок. Лед молчанья сломан.
Помиримся, обиды хороня...
И если я когда-нибудь хоть словом
тебя обидел, ты прости меня.

Горит огонь зари. Береза в поле
заламывает руки у огня...
И если иногда я руки с болью
заламывал,
то ты прости меня.

Вот робкий свет звезды какой-то ранней,
вот тишина спускается, звеня...
И если напоказ посмел я раны
твои нести,
то ты прости меня.

Вот девушки проходят по дороге,
парням на плечи головы клоня...

И если слишком часто мои строки
сочились кровью,
ты прости меня.

Все ближе вечер. Даль в туман оделась.
Вот и погас последний лучик дня...
А мне всегда отдать тебе хотелось
лишь лучшее, что есть.
Прости меня.

И сходит вечер. Звезды оживают,
льют тихий свет, покой земли храня...
И если я и в этот раз желаю
тебе добра лишь,
ты прости меня.

СОДЕРЖАНИЕ

Эдуардас Межелайтис
(Эдуардас Беньяминович Межелайтис)

ЛИРИКА

Редактор
С. А. Еремина

Художественный редактор
Н. С. Лаврентьев

Технические редакторы
Д. А. Калмыков, Т. В. Тужилкина

Корректор *Т. И. Винарская*

ИБ № 7676

Сдано в набор 22.11.90. Подписано к печати 01.02.91. Формат $70\times108^{1}/_{32}$. Бумага офс. № 1. Академическая гарнитура. Офсетная печать. Усл. печ. л. 4,2. Уч.-изд. л. 2,37. Тираж 25 000 экз. Заказ № 811. Цена 25 к.

Ордена Дружбы народов издательство «Советский писатель», 121069, Москва, ул. Воровского, 11.
Тульская типография Государственного комитета СССР по печати. 300600, г. Тула, проспект Ленина, 109

Межелайтис Э.

М 43 Лирика: Стихи. Пер. с литов.— М.: Советский писатель, 1991.— 96 с.

ISBN 5—265—01378—4

Эдуардас Межелайтис общепризнанный мастер интеллектуальной поэзии, связанной с широким кругом духовных запросов: здесь история и современность, философия и эстетика.

Эту книгу составили избранные лирические стихотворения, где причудливый мир ассоциаций и мистических представлений о жизни раскрывает новую своеобразную грань дарования известного литовского поэта.

М $\frac{4702390202—042}{083(02)—91}$ 316—91 **ББК 84 Ли 7**

25 коп.

